

Дмитрий Кириллов

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Пролог

Славьтесь нелепые чудаки, способные взлететь к облакам и прыгнуть в пропасть за идею. Не дано вам отведать легкой жизни, ибо спутник ее снобизм. А там, где он, не вздохнуть вам полной грудью, так как верно было сказано, что снобизм сужает горизонты

1.

Сентябрь. В воздухе немислимый коктейль из пряных запахов, золотых соломин солнца, летящих паутинок и желтых листьев (не поскупилась природа на желтую краску!). И все это - на фоне пронзительно голубого неба!

Гордей Дятлов перевел взгляд с яркой картинке окна на крайне неяркую картину в пыльном, с бурыми пятнами, зеркале, собственное отражение.

Гордей... 1985 год, в моду вошли старинные имена (кстати, неопрятное зеркало старше Гордея примерно втрое). Как говорится, назвали, не подумав о последствиях! Как можно, нося такое имя, делить двухтысячный (!) год с нетактичными учителями, с еще более нетактичными девушками, заикленными на Рике Мартине и Бритни Спирс, а также с веселыми недалекими “гопниками”. Ну как? О фамилии вообще лучше не вспоминать!

Прошлепав большими ногами по щербатому паркету коридора, он оказался на кухне. Как говорится, дайте мне сто грамм еды! Взяв сухарь из миски на подоконнике, начал задумчиво его грызть... Раньше ему было уютно только в компании с самими собой. Даже скучно не бывало. Теперь такая компания явно поднадоела. В чем же дело?

...29 августа. На берегу местной речушки - костяк класса, как выразился бы студент - практикант, присланный на растерзание тогдашнему 9-А руководителем университетской педпрактики.

Зоя... Неформальный лидер, как сказал бы тот же студент. Почему Гордей раньше не замечал, какие у Зои Ковальской необычные глаза, серо-зеленые, как степной ковыль, и такие же меняющиеся. Просидел с ней за одной партой

весь седьмой класс и смотрел исключительно только в окно. Даун несчастный! Видимо об этой особенности своих глаз она тогда тоже не знала, потому вела себя гораздо человечнее, чем сейчас. Даже списывать давала!

А теперь... Теперь к школе ее папа на “BMW” привозит. Но тут об общении и говорит не приходится. Ну а после школы? После школы еще хуже, после школы - Леха! Папа у Лехи коммерсант, как и у Зои. Учиться Леха бросил после 9 лет “облучения”, еще год назад решив, что у папы в фирме место всегда найдется. Армия ему не грозила по причине слабого здоровья. Это впрочем не мешало ему достаточно долго заниматься боксом.

...Незаметно Гордей опять вернулся в комнату, к зеркалу, которое отразило фигуру человека не способного не только к боксу, но и к дворовому футболу, лыжам и утренней гимнастике. Оставалось надеяться на мужественность и выразительность лица. Большие глаза, полные вселенской скорби, невыдающийся подбородок и длинноватый нос. Надежда умирает последней... За окном солнечный пейзаж сменился мрачновато-серым. Повалил снег, будто кто-то неведомый швырял на осенний двор горсти пуха из гигантской подушки и с каждым разом — все более щедро...

Цапаясь и балансируя в форточке, возник Митька, кот полусиамский с темно-серой мордочкой и полосатыми лапами. Кот приветливо мяукнул.

Гордей махнул коту и было хотел вернуться к самокритике, но тут за окном что-то шумно обрушилось, сверкнув радугой красок. Митька изящно брякнулся на подоконник и улетел под диван.

* * *

Тетя Настя (или как часто называли ее за глаза тетя Ася) очень любила свежесть утреннего выстиранного белья; свежесть, исходящую от выбритого подбородка и щек мужа Виктора, а также свежесть мокрых после дождя кустов сирени. Эти самые кусты сейчас болезненно трещали под неизвестной тяжестью.

Ступени же трещали под каблуками тети Насти, а рука ее крепко сжимала ручку тефлоновой сковородки (подарок на ее позднюю свадьбу с Виктором). Если бы тетя Ася-Настя чаще смотрела научные программы по TV-6 и другим программам в дневное время, когда варила борщ для Виктора, увиденное ею быстро вызволило бы из памяти историю тунгусского метеорита.

Кусты полегли и были направлены верхушками наружу. В центре копошился абсолютно голый человек, с кожей, подобной радуге. Как показалось тете Асе - мужчина.

Неизвестный мужчина сжался в гигантскую разноцветную каплю и скользнул к отверстию водосточной трубы.

Тут наконец визг ужаса, застрявший где-то в горле женщины, вырвался наружу и разорвал патриархальную тишину старого двора.

* * *

Гордей наморщился: “Ну и дом, то мусор на сирень с балкона, то децибелы какие-то невероятные. А сирень, между прочим, в конце мая в виде букета дешево и сердито, как говаривал дед. Не то, что роза голландская одна штука 100 рублей!”.

Воспоминание о серо-зеленых глазах в комбинации с сиренью вызвало мужественно-сдержанную улыбку на лице Гордея. Пройдя в комнату, он щелкнул кнопкой “Рекорда”. Шла программа об экстремальных видах спорта. Поморщившись сначала от показного суперменства героев, Гордей постепенно увлекся, и не без интереса наблюдал процесс восхождения на скалы без страховки. Почему-то представлялась картина: толпа публики (в центре Зоя), а он карабкается, скажем, по краю их двускатной крыши... Ступеньки лестницы, ведущей на чердак, оказались скользкими и неудобными. Добравшись до крыши люка, Гордей толкает его головой, затем пытается неуклюже совершить “выход на одну руку”. На какой-то момент он узрел облепленные голубиным пометом стропила, а затем последовательно мелькнули с шестой по первую ступеньки лестницы и раздался унизительно-грузный шлепок об пол... План “А” буквально рухнул. Поднявшись с пола и отряхнув с рукава сухой голубиный помет, наш герой решил приступить к плану “В” несколько к более трудоемкому, но более верному.

* * *

Школьный физрук Иван Васильевич был крайне непохож на все прочие типы школьных физруков. Это не был преклонных лет добродушный седой мужчина в поношенном пиджаке поверх спортивного костюма. Это не был солдафон средних лет с замашками бывшего боксера. Это не был, наконец, и коротко стриженный молодой человек, обожающий подсаживать десятиклассниц на канат и шведскую стенку. Иван (или как его еще называли Ваня-Рэмбо) из вырождающейся породы молодых энтузиастов. Как и все

люди, обожающие занятия спортом, он был чрезвычайно устремлен, что и позволило ему в свое время стать

победителем по конькобежному спорту и легкой атлетике. Позже он увлекся карате-до и атлетизмом, куда и попытался всеми силами привлечь своих изнеженных современной техникой учеников.

К Гордею он относился с симпатией, поскольку узнавал в нем юного себя. К тому же он вообще считал интеллигентов вырождающимся видом, который нужно охранять. Еще год назад он всучил Гордею брошюру “Сделай свое тело сам” с личными пометками на полях.

* * *

Гордей шагал по улице, засунув руки в карманы бежевой ветровки. Асфальт еще по-летнему дышал теплом, а проходящие люди прятали легкую улыбку, видя нечеловеческую решимость на лице Гордея. Проходя мимо афишной тумбы, Гордей заметил Зою и Леху. Леха с привычной снисходительно - наглым выражением на роже ткнул ему (тоже очень привычным движением) апперкот левой. И впервые он не достиг цели, так как Гордей неловким движением успел отступить назад. Кивнув Зое, он бодрой походкой отправился дальше. Если бы он задержался чуть дольше, возможно увидел бы, как Зоя возмущенно сказала что-то Лехе и брезгливо стряхнула руку, положенную ей на плечо.

Но Гордей спешил. У них с Зоей еще будет время поговорить. А сейчас он очень спешил в магазин “Атлант”. За гантелями.

Зачахла герань. Зачахла черт бы ее побрал - Виктор сплюнул на кухонный, чистый пол, затем тревожно глянул через плечо, и стер плевком левой тапкой. Идея о том, что в 18-00 необходимо лезть на чердак за “естественным удобрением”, ему не улыбалась. К тому же осенью. Но тетя Ася не была ботаником, она была приверженцем народной кухонной эстетики. И согласно ей герань на кухне быть должна! Виктор обречено щелкнул выключателем телевизора, в удаляющемся окне изображения последний раз мелькнули трусы динамовского защитника и экран погас. В седьмой раз вздохнув, он захлопнул дверь в свою квартиру.

* * *

Руки Гордея ныли от непривычной тяжести, пот заливал глаза, а асфальт казался раскаленным. Он останавливался все чаще и клал гантели на асфальт.

Затем, будто подгоняемый кем-то, вцеплялся в них снова и тяжело шагал по улице дальше. Вот уже вдали показался угол его дома, 9/1.

Проходя последние метры до дома, которые показались ему километрами, он услышал за спиной знакомый голос: “Ты чего. Дятел, решил Шварценегером стать?”. Затем раздался нервный смешок. Это был Валька Панов.

Будучи по природе человеком слабым и нервным, он мог бы занять в сегодняшнем 10-А роль “козла отпущения”. Но будучи еще и очень хитрым, он активно принимал участие в издевательствах над Гордеем, что делало его частью толпы.

Гордей молча пнул бурую дверь и вошел в сырой полумрак подъезда. Поднявшись, он увидел Виктора с приятелем на лестничной клетке. Свойский Виктор протянул ему широкую ладонь. Его приятель глянул пронзительным, странным взглядом и

тоже протянул руку... сине-зелено-оранжевую. Гордей шумно уронил гантели и закрыл глаза. Открыл он их уже на собственном диване. Виктор заботливо присел на корточки рядом. Его странный приятель расположился на подоконнике. Гантели покоились в углу.

2.

Ноябрь этого года был отмечен дымчато-серым небом, студеным воздухом и хрустящим ледком на лужах. Молодежь оделась в дутые яркие куртки и вязанные шапки с ушами, смешными с точки зрения старшего поколения.

В это утро, третьего числа, Гордей вскочил с постели в 5-30 уже без обычной тошноты и вялой обреченности. Три километра по пересеченной местности, получасовой комплекс отжиманий, сгибаний рук с гантелями (уже восьмикилограммовыми), а также горячий душ дались легко. Он поймал себя на мысли, что начал, действительно, получать от этого удовольствие. А ведь когда Васильевич писал ему этот комплекс, Гордей поминутно твердил: “А может хватит упражнений?”. Подумал: “Надо будет зайти за новым комплексом”.

...Возник ниоткуда 77. Он даже не пытался объяснить схему своих путешествий по параллельным мирам. Гордей научился принимать все как есть. Впрочем, 77 была присуща своеобразная вежливость, и поэтому появлялся он в то время, когда, действительно, не мешал. Митька чувствовал

его появление заранее, возможно улавливая вибриссами колебания воздуха. 77 поздоровался, гигантской яркой запятой скользнул к креслу и углубился в “Евгения Онегина”. Митька устроился рядом. Под звуки “Нашего радио” Гордей начал собираться в школу. Рюкзак собрал под “Лучшую песню о любви”, а чай дохлебывал под “Прощай, детка”. Звякнув ключами на лестничной клетке, где два месяца назад познакомился с семьдесят седьмым, он выскочил в ноябрьское утро.

* * *

Ноябрьское утро было несколько омрачено самостоятельной по алгебре, а также встречей с двумя троглодитами, одним из которых был Леха. Леха неаргументированно назвал Гордея “лохом” и “козлом”, а также пообещал тяжелые физические увечья в ближайший вечер, если Гордей не пересядет от Зои на другую парту. Небольшую ложку меда добавило в известную бочку сообщение “сорочьего радио”, что последнего урока не будет (есть время потусоваться в коморке у Ивана Васильевича). Десять минут до урока Гордей посвятил тому, что пересказал вкратце содержание фильма “Брат” Зое. С некоторых пор выяснилось, что она стала довольно благодарным слушателем “Ты очень занятный. Дятлов”- сказала она как-то. Дятлов испытал тогда чувство, будто сама Уитни Хьюстон проходя мимо слегка чмокнула его в щеку. Уши горят, словарный запас беднеет!

В 8-30 дверь кабинета закрылась за Клавдией Семеновной и Зоя опять стала холодной и отстраненной.

В 8-30 Дятлов (балбес этакий!) имел уже одну двойку, а в 8-50 - две. Каждую класс приветствовал веселым смехом (особенно выделялись гнусавые взвизгивания Валентина).

На общей биологии Гордей делал доклад на свободную экологическую тему. “Амазония - один из интереснейших регионов. Амазонские леса являются настоящими зелеными легкими планеты”- обстоятельно излагал он. Андрей Дмитриевич дал время для вопросов из зала. Задали вопросы лишь два человека: Зоя - из интереса. Валька - из вредности. Получив заслуженную пятерку, он небрежно плюхнулся на место и улыбнулся Зое. После урока он дал ей посмотреть книгу об Амазонии.

* * *

77 создавал в себе слепок утерянного мира. Землянин скучал бы по дому, ностальгировал бы, так сказать. 77 не умел этого, так как частица дома всегда

была в нем. Утратив ее, он бы умер. Органы слуха практически постоянно слышали флейтовый свист пяти ветров среди фиолетовых холмов. Орган равновесия в груди ощущал вибрацию, когда он проваливался в горы оранжевого слоевища местной флоры. Его вечно меняющая цвет кожа чувствовала обычную дневную температуру родной планеты (которую он так и называл - моя планета, ибо все остальные для него имели цифровые значения), составляющую 31,5⁰С. Периодически она сменялась ночной - 22,5⁰С. Он видел чужой мир как бы через призму своего мира. Это и спасало его рассудок. Тело его, имеющее небывалое количество суставов, что придавало ему высокую гибкость, удобно располагалось в кресле. Он был напряжен так, что болел, кажется, даже хрящевой скелет. 77 проецировал образ Е. Онегина на склон холма своей планеты. Создание живых картин из частей разных мазков было его пожизненной ролью дома. Сюртук Е. Онегина был фиолетовый, под цвет холма. Митька, странным образом, научившийся видеть мир 77-го, критически мяукнул.

* * *

Гордей вернулся домой счастливым. На то были радикальные причины:

- во-первых, Зоя через час зайдет за книгой об Амазонии,
- во вторых, пятерка за доклад — явление в этом доме не частое (мама отметит это дело пирогами),
- в третьих, 77-ой еще утром перешел на более высокий уровень перестройки окружающего пространства, и он, понимая, какое впечатление произведет на Зою эта модернизация во главе с самим ее автором,
- в четвертых, по-весеннему светило солнце, и это усиливало эффект от трех предыдущих факторов.

Вид собственной комнаты его потряс. Гордей пересек ее по невидимой диагонали, делящей пространство на две зеркальные половины, затем, ухватившись за край полки с книгами, корешки которых приобрели фиолетовый оттенок от соседства полупрозрачного фиолетового холма, и, оторвав ноги от пола, завис в воздухе под углом 90 градусов к стене. Затем, оттолкнувшись от полки, поплыл по воздуху. Пролетая мимо зеркала, Он кивнул стройному человеку в странной одежде, который с достоинством разглядывал свое отражение. Евгений (Гордей узнал портрет из книги) ответил ему гордым наклоном головы.

Эпилог

Город показался совсем крошечным. Они летели, выстроившись клином. Время от времени им попадались диковинные полупрозрачные птицы. Рука Гордея сжимала Смуглую ладонь Зои. Митьку, не пожелавшего остаться дома, пришлось сунуть за пазуху, откуда он теперь смотрел вниз изумленными глазами. 77-ой иногда проносился мимо пестрой стрелой и, замыкая дугу, продолжал удерживать круг, где чудеса становились нормой.

Иван Васильевич согласился составить компанию лишь ненадолго (ему предстояло “сдавать планирование” завучу Лехе). Гордей очень хотел засветить с небес тухлым яйцом, запасливо захваченным из дома, но, взглянув в глаза Зои, раздумал.

Позади удивительно искренний разговор с любимой девушкой, из которого она узнала, что действительно любима.

Обморок мамы при встрече на кухне с 77-м, а позже нежная дружба с ним же. Позади заслуженная победа в школьных соревнованиях по армрестлингу и в кроссе, и многое-многое другое.

А будущее... Путь туда будет труден, но прекрасен. Да осветит его ласковое вечное Солнце.

Декабрь 2001 — январь 2002